

Д.М. Рогозин

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев — сады, так для юношества — школы...

Я.А. Каменский

Для Сократа воспитательная работа была дороже жизни, поэтому, приговоренный к смерти по ложному обвинению, он не отказался от своей работы и выпил яд — цикуту.

Из учебника по истории педагогики.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В соответствии с типологией Т. Парсонса, молодежные общественные объединения скорее всего относятся к интеграционному типу, выполняющему функцию поддержания системной солидарности. В этом смысле они ничем не отличаются от политических партий, профсоюзных объединений и женских движений. Подобный способ классификации навряд ли может расширить наши представления о молодежных организациях, поскольку изначально построен на теоретических предпосылках, имеющих к социальной реальности лишь косвенное отношение. Подтверждением могут служить немногочисленные попытки операционализации парсоновской схемы, результаты которых так и остались не востребованы научной общественностью.

Неоинституциональный подход более продуктивен, так как задает лишь основные рамки анализа, оставляя на усмотрение исследователя разработку той или иной типологии. Л.Г. Цукер замечает, что институционализм определяется не просто его наличием или отсутствием. Институционализм — это прежде всего переменная величина, отражающая различную степень институциональных изменений устойчивых культурных конструкций [32, р. 83].

Основная цель настоящего исследования — установление первоначальных, базовых различий, позволяющих описывать формаль-

ные молодежные объединения. Для этого не нужно анализировать отдельные объединения или искать различия между ними. Задача состоит не в поиске отличительных черт, а в обнаружении общих, типичных для всех молодежных общественных объединений характеристик, «в объяснении гомогенности, а не вариаций» [19, р. 64]. Неоинституционалисты показали, что деятельность организаций в большей степени определяется не рациональными представлениями отдельных акторов, а институциональной средой, в которую вынуждена встраиваться любая вновь создаваемая организация [23]¹. Описание основных параметров этой среды позволяет не только объяснить институциональные особенности организаций, но и построить систему операциональных определений, пригодных для составления организационной типологии. Наиболее адекватная характеристика институциональной среды — язык. Оставаясь в рамках структуралистской традиции можно утверждать, что «язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность» [13, с. 62]. Если участник разговора может контролировать содержание своей речи, то его лексика остается вне зоны осознанного воздействия: «лингвистическое влияние наблюдателя на объект наблюдения ничтожно мало: осознания явления наблюдателем недостаточно для того, чтобы его изменить» [6, с. 62].

Первым шагом в описании институциональной среды молодежных общественных объединений может служить структурный анализ их уставных целей и задач². Во-первых, уставные цели относятся к основным формальным критериям, регламентирующим деятельность организаций. Во-вторых, они пишутся для регистрации в государственных органах и, как следствие, выполняют коммуникативную функцию, оправдывающую существование молодежных организаций в глазах государства — главного игрока на их институциональном поле. Благодаря государству молодежные организации приобретают публичный статус, «затрагивающий, прямо или косвенно, получение уникального ресурса, которым не может обеспечить никто, кроме государства — возможности полагаться на легитимное принуждение» [30, р. 20]. В третьих, уставные задачи выглядят вполне нейтральными с точки зре-

¹ Отказ от анализа рациональных интерпретаций, предлагаемых отдельными акторами, представляет собой последовательное развитие методологии аналитического реализма, предложенной Т. Парсонсом [25]: «С точки зрения нашего подхода, теоретические понятия соотносятся не с конкретными явлениями, а с их элементами, аналитически отделенными от других элементов». Это позволяет утверждать, что хотя бы «некоторые из общих научных понятий не являются фикциями, а адекватно «схватывают» аспекты объективно существующего мира» [9, с. 271].

² Аналогичный объект исследования был выбран Ф. Селзником [29] и Б. Кларком [18]. Они анализировали тексты с описанием институционализированных доктрин и миссий организаций.

ния раскрытия информации. Для ее получения требуется минимум усилий, которые вознаграждаются практически абсолютной гарантией соответствия предоставленных текстов текстам оригинала (зарегистрированного устава), что далеко не всегда происходит с другого рода источниками.

Общественные объединения вынуждены постоянно вторгаться в публичный дискурс, воспроизводить его, вызывать внимание со стороны основных агентов, создающих общественное мнение. Видимо, не последнюю роль в воспроизводстве публичного текста молодежных объединений играют и уставные цели. Лексические, семантические и прагматические особенности формулировок уставных целей определяют не только дискурс, но и формальные требования воспроизводства молодежных объединений: *«Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения»* (статья 5, ФЗ от 19.05.1995 №82-ФЗ в редакции от 25.07.2002). Только зарегистрированная организация принимает статус молодежной, а основное условие регистрации — написанный в соответствии с правовыми актами устав. Здесь реализуется основной постулат неонституционализма — нормы рационального действия создаются не внутри организаций, а задаются внешними агентами, обладающими большей властью и имеющими возможности для ее применения [23, р. 348]. Конечно, можно усомниться в том, что властные агенты могут навязывать какие-либо институциональные нормы, так как эти нормы, по П. Бергеру и Т. Лукману, не более чем классификации, укорененные в обществе в качестве типовых обменов или интерпретаций [17, р. 54]. Государственные структуры — всего лишь организации, выполняющие строго заданный набор функций (по Парсонсу). Однако это не мешает нам анализировать коммуникативные коды, возникающие между государственными структурами и молодежными организациями. Государство традиционно заинтересовано в формировании большего изоморфизма, что обеспечивается экспансией его влияния на организационную среду: *«влиятельные организации пытаются встроить свои цели и процедуры непосредственно в общество в качестве институциональных правил»* [24, р. 49]. Такой изоморфизм обычно относят к силовому типу [19, р. 67-68; 27, р. 175], то есть создаваемому за счет усилий одного из участников институциональных обменов. Государство, по мнению Р. Скотта и Д. Майера, имеет двойственный характер. С одной стороны, оно представляет тип корпоративного актора, с другой — внешней среды [28, р. 121]. Получение «публичного статуса» прямо или косвенно, относится к уникальному ресурсу, который никакое окружение, кроме госу-

дарства, не может обеспечить [30, 1985, р. 20]. В первую очередь, речь идет о признании организации в качестве легитимного участника социальных обменов.

Задача исследования состоит в том, чтобы обнаружить устойчивые семантические конструкции³, описывающие декларируемые цели формальных молодежных организаций. На их основе можно будет разработать систему различений, позволяющих сформулировать особенности функционирования молодежных организаций и построить их типологию. Не выходя за рамки синхронического метода анализа (по Соссюру), мы можем выразить стилистические конструкции языка уставных задач с помощью узловых или центральных понятий, составляющих его основу. Для этого достаточно рассчитать частоты встречаемости и сочетаемости структурных единиц языка. Первое позволит составить частотный словарь и тем самым указать на доминирующие в нем словоформы. Второе — проанализировать их контекстуальное окружение, а значит формальным способом описать семантику каждой интересующей нас словоформы. Таким образом, сами лексические категории языка молодежных организаций позволят построить систему различений, без привнесения для этих целей извне апрорных схем или исследовательских фантазий.

ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ И СЛОВАРЬ ПЕРЕМЕННЫХ

Объектом наблюдения выступили отрывки из уставов молодежных организаций, посвященные их основным задачам и целям. Анализируемый массив составили московские молодежные организации, зарегистрированные с 1991 по 1997 год⁴. Всего выделено 353 организации, что соответствует 353 единицам наблюдения или строчкам в построенной матрице данных.

Исходный массив состоит из маркеров действия, указывающих на характер намерения или декларируемой цели, и артефактов этого действия. Например, в фрагменте текста *«содействие комплексному осуществлению задач молодежной политики, укрепление семьи, повышение роли общественного воспитания детей, подростков и мо-*

³ Д. Майер и Б. Роуэн подчеркивают, что изоморфизм организаций с окружающей средой чаще проявляется в развитии языка, лексикографические словари которого полностью описывают те или иные организационные структуры и относятся лишь к выбранной гомогенной совокупности организаций [24, р. 50].

⁴ Перечень молодежных организаций опубликован Комитетом по делам семьи и молодежи Правительства Москвы в печатном виде [Справочник, 1997] и размещен в интернете: <<http://ismm.mos.ru>>. Основанием для сбора информации послужила база данных Главного управления Министерства юстиции по г. Москва.

лодежи» содержится пять маркеров — *содействие, осуществление, укрепление, повышение и воспитание*. Каждый маркер действия связан с соответствующим ему артефактом. Введение понятия артефакта определяется тем, что объекты действия в основном представляют собой словоформы, не имеющие определенных денотатов. Попытки определить такие объекты приводят к созданию множества смысловых полей⁵, опирающихся на метафоричную речь, что и позволяет нам говорить об артефакте, основанном либо на «мертвой» метафоре, либо на неопределенном понятии, изначально задающем множественность интерпретаций.

Зафиксированные в уставных целях маркеры действия соответствуют прагматическому, или иллокутивному плану содержания, поскольку можно определить ситуацию как процесс регистрации молодежных организаций и цель — получение этой регистрации. В этом смысле маркеры действия выполняют не декларативную, а предикативную функцию, то есть «функцию переписывания объектам определенных свойств» [5, с. 258]. Статус молодежных организаций не описывается, а определяется, или формируется (по Серлю) их уставными документами⁶. Отсюда мы можем определять маркеры действия в качестве иллокутивов, или иллокуций, основной функцией которых является целеполагание.

Всего зафиксировано 58 иллокутивов, представленных в основном отглагольными существительными (табл. 1).

Каждый иллокутив кодируется отдельной переменной, которая принимает два значения: 1 — словоформа присутствует в тексте уставных задач, 0 — словоформа отсутствует. Таким образом, первая группа переменных состоит из маркеров действия. Наиболее частотными являются следующие словоформы: содействие — 44% молодежных общественных объединений, развитие — 41%, воспитание — 19%, защита — 17%, создание — 16%, работа — 15%, поддержка — 13%, реализация — 12%, помощь — 11%, формирование — 9% и организация — 8%. Мы предполагаем, что наиболее частотные словоформы представляют типичные маркеры действия. Они определяют ядро сло-

⁵ Понятие семантического поля разработано в рамках семантического подхода к метафоре (Н.Д. Арутюнова, С.Р. Левин, Б.А. Успенский и т.д.), в котором произошел отказ от идеи полного замещения одного слова другим. Метафорический эффект возможен только тогда, когда в семантических полях слов заключены возможные варианты сближения [10, с. 11].

⁶ Дж.Р. Серль вводит различие между двумя видами правил речевой деятельности. Первые — регулятивные — регулируют формы поведения, которые существовали до них; вторые — конститутивные — создают или определяют новые формы поведения [12, с. 212-213].

Таблица 1. Список иллокутивных отглагольных существительных

	Существительное	Частота	%		Существительное	Частота	%
1	Содействие	157	44	30	Реабилитация	11	3
2	Развитие	143	41	31	Распространение	11	3
3	Воспитание	68	19	32	Популяризация	10	3
4	Защита	61	17	33	Адаптация	10	3
5	Создание	55	16	34	Совершенствование	7	2
6	Работа	52	15	35	Расширение	7	2
7	Поддержка	46	13	36	Обучение	7	2
8	Реализация	41	12	37	Координация	6	2
9	Помощь	39	11	38	Приобщение	6	2
10	Формирование	32	9	39	Поиск	6	2
11	Организация	30	8	40	Сохранение	6	2
12	Улучшение	25	7	41	Выражение	5	1
13	Объединение	25	7	42	Построение	5	1
14	Проведение	23	7	43	Изучение	5	1
15	Оказание	23	7	44	Способствование	4	1
16	Повышение	22	6	45	Освоение	4	1
17	Пропаганда	21	6	46	Борьба	4	1
18	Решение	20	6	47	Забота	3	1
19	Осуществление	20	6	48	Консолидация	3	1
20	Укрепление	18	5	49	Профилактика	3	1
21	Привлечение	16	5	50	Выявление	3	1
22	Подготовка	16	5	51	Усиление	3	1
23	Возрождение	15	4	52	Вовлечение	2	1
24	Удовлетворение	14	4	53	Противодействие	2	1
25	Становление	13	4	54	Представление	2	1
26	Сотрудничество	12	3	55	Определение	1	0
27	Участие	12	3	56	Сближение	1	0
28	Обеспечение	11	3	57	Ведение	1	0
29	Разработка	11	3	58	Выработка	1	0

* Процент организаций, в уставных целях и задачах которых встречается выделенная словоформа.

варя целевых текстов, следовательно, подлежат детальному рассмотрению.

Вторая группа переменных характеризуют артефакты, на которые направлена деятельность молодежных организаций: (1) абстрактные социальные группы, (2) личность, (3) уточнение социальной группы. Все три переменные принимают значение 1 при наличии указанного признака и 0 при его отсутствии.

Абстрактные социальные группы определяются следующими словами: общество, молодежь, подрастающее поколение, новое поколение, подростки, дети. Эти категории не имеют точных концептуальных рамок, а их установление определяется прежде всего контекстом. Абстрактные социальные группы встречаются в 207 из 350⁷ уставных задач, что составляет 59% от всего массива (наиболее частотная переменная).

Переменная «личность» относится к следующим артефактам: личность, молодой человек, ребенок. Наиболее часто употребляются конструкции, связанные с развитием личности: «*всесторонне развитая личность*», «*гармоничное развитие личности*» и т.д. Переменная встречается в 39 из 350 уставных задач, что составляет 11%. Она, как правило, отражает простейший вид тропа — синекдоху, когда происходит перенос значения с одного явления на другое по количественному признаку. Такой перенос приводит к тому, что единственное число, определяемое грамматически, придает высказыванию более абстрактный характер. Речь идет не о какой-то отдельной личности, а о личности вообще, о ее идеальном типе. Тем самым достигается усиление обобщенности высказывания, семантически ему придается атрибут сверхмножественности.

Наличие в тексте уточнения социальной группы опознается по тому, определяется ли в задачах организации более узкий целевой объект, нежели молодежь или подростки. Этим объектом могут выступать студенты конкретного вуза, дети-инвалиды, детские писатели, члены организации и т.д. Уточнения целевой группы были зафиксированы в текстах 111 организаций, что составляет 32% от их общего количества.

Третью группа переменных характеризуют направленность предполагаемой деятельности и экспрессивность ее описания. Направленность определяется двумя переменными: «поведение» и «установки». Переменная «поведение» показывает, что намерения организации связаны с определенными видами действий: «*творческой активностью, личной активностью, трудовой деятельностью*», «*общественно-полезной деятельностью*», «*культурными инициативами молодежи*», «*молодежными инициативами*» и т.д. Переменная «установки» описывает стремление организации репрезентировать те или иные ментальные состояния представляемого ими субъекта: «*возможности, достоинства, интересы, потребности, убеждения*» и т.д. Указания на определенные типы деятельности встречались у 138 (39%)

⁷ В трех организациях, представленных в исходном массиве, не указаны уставные задачи, что при кодировании отмечается в качестве пропуска данных; соответственно, доступных для анализа единиц наблюдения остается 350.

организаций. Указание на репрезентацию установок — у 102 (29%). Экспрессивность описания определяется наличием прилагательных, усиливающих эмотивную функцию фрагментов текста. Например, не просто развитие личности, а «*всестороннее развитие личности*»; не духовные ценности, а «*лучшие и гуманистические духовные ценности*»; не условия, а «*оптимальные условия*» и т.д. Подобное усиление наблюдалось в 50 случаях, или 14% от общего количества описаний уставных целей и задач.

Исходная матрица данных состоит из 350 строк — валидных единиц наблюдения (отсутствуют пропуски информации) и 66 столбцов: 58 переменных, отражающих действия организаций; трех переменных, характеризующих артефакты; трех переменных, характеризующих направленность деятельности и уровень экспрессивности высказывания и двух «демографических» переменных — названия организации и года ее учреждения.

СЛОВАРЬ ИЛЛОКУТИВОВ

Совокупный словарь иллокутивов в уставных задачах молодежных организаций чрезвычайно беден. Практически весь корпус представленных текстов можно описать с помощью 11 отглагольных существительных: содействие, развитие, воспитание, защита, создание, работа, поддержка, реализация, помощь, формирование и организация (табл. 1). Факт неразличимости или гомогенности уставных задач указывает на хорошую разработанность института целевых установок. Цель одной организации может без существенных потерь представлять другую, поскольку лексические и семантические различия в них минимальны. Такую ситуацию принято обозначать институциональным изоморфизмом [24, р. 47]. Трудно себе представить, чтобы идентичность уставных текстов была вызвана взаимными соглашениями между независимыми контрагентами. Большая объяснительная сила заключена в гипотезе о том, что изменение организационных характеристик, во-первых, навязывается окружающей средой, во-вторых, происходит в направлении их большего соответствия этой среде. Согласно Д. Майеру и Б. Роуэну, любая организация пытается представить себя в центре культурной традиции своего общества для того, чтобы получить официальную поддержку [24, р. 49]. Наиболее частотные иллокутивы не только характеризуют структуру представлений молодежных организаций, но и указывают на культурную традицию, которая воспроизводится ими для получения легитимации собственного существования.

СОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ

Среди наиболее употребительных отглагольных существительных безусловно доминируют две словоформы: *содействие* — употребляется в 44% уставных задач и *развитие* — в 41% (табл. 1).

В толковом словаре С.И. Ожегова *содействие* определяется как деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержать в какой-нибудь деятельности [8, с. 743]. Подавляющее большинство употреблений словоформы «содействие» соответствуют данному определению: «...*содействие развитию реформаторского молодежного движения на основе принципов свободы, культуры и уважения прав человека*», «*всемерное содействие процессу становления молодых архитекторов*», «*содействие возрождению лучших традиций нравственности, благотворительности, милосердия и духовности*» и т.д. Лишь в 9 из 157 уставных текстов, или в 6% случаев *содействие* связано не с какой-либо активностью или деятельностью, а непосредственно с субъектом: «*содействие семьям, имеющим детей инвалидов*» или «*содействие молодежи*».

Во всех случаях мы наблюдаем перенос значения с содействия как, прежде всего, совместного действия⁸ на близкую, синонимичную конструкцию — действие, способствующее чему-либо или кому-либо. Вводится предпосылка об изначальном наличии деятельности, которой призвана способствовать молодежная организация. Независимо от существования этой организации, «*реформаторское молодежное движение*» развивается, «*молодые архитекторы*» становятся, «*лучшие традиции нравственности*» возрождаются и т.д. Тем самым обосновывается легитимность организации, определяется ее статус не как спонтанно возникшей группы, удовлетворяющей собственные интересы, а как организованного сообщества, реализующего интересы других, пусть даже себе подобных — «*содействие молодежи в осуществлении собственных интересов*». Однако маркеры интересов зачастую остаются закрытыми для прочтения. Если экстенсиал молодых архитекторов можно определить с помощью соответствующего диплома, лицензии или количества лет профильного обучения, то как определить реформаторское движение или традиции нравственности? Текст

⁸ В.В. Виноградов, анализируя лексику произведений А.С. Пушкина, обнаружил любопытную деталь — слово «содействие» в значении «совместное действие» употребляется лишь применительно к военным действиям: «Темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск» (История Пугачева). Причем, во всех случаях, рассмотренных В.В. Виноградовым слово содействие сочеталось с определением «дружный» [2, с. 899]. Данная деталь как бы подчеркивает равноправность участников действия, эквивалентность их совместной активности.

уставных целей сакрален в том смысле, что его прочтение требует толкований или введения дополнительных примечаний. Отсюда — уставные цели недоступны для субъектов, не включенных в институциональный контекст.

Словоформа «развитие» также предполагает наличие определенного состояния. Но в отличие от *содействия*, направленного на поддержание существующего, *развитие* определяет его изменение. Развитие — это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественно нового к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему [8, с. 643]. Происходит перенос акцента с деятельности на ее объект: «...гармоничное развитие личности», «социальное становление и развитие молодых граждан», «развитие способностей и талантов детей», «развитие детского спорта», «содействие развитию современного искусства, культуры и творчества молодежи». Развитие же какого-либо вида деятельности — «развитие культурно-массовой и спортивно-оздоровительной работы среди детей и подростков», «развитие воспитания и социальной защиты молодежи», «развитие взаимопонимания и сотрудничества» — встречается лишь в 27 из 143 уставных текстов, или в 19% случаев.

Иллокутивы «содействие» и «развитие» не содержат инновационной составляющей, а то и отрицают ее, так как объект уже есть, и создавать что-то новое не нужно. Когда в текстах появляются словоформы, отражающие интенцию нововведения, привносимая ими новизна зачастую отчуждается от организаций, приписывается каким-то другим акторам, например: «содействие созданию необходимых экономических условий». Словоформы «создание» и «формирование» наиболее часто встречаются именно с *развитием* и *содействием* (табл. 2). Если встречается слово «создание», то в 47% случаев оно находится в одном тексте отрывке с *содействием* и в 58% — с *развитием*. Слово «формирование» размещается в тексте в 53% случаев с «содействием» и в 56% с «развитием».

Словоформы «содействие» и «развитие» доминируют не только по количеству встречаемости, но и по количеству связей с другими словоформами: нет ни одного отглагольного существительного, которое хотя бы раз не попадало в один отрывок с *содействием* и *развитием*. Это позволяет говорить об их центральной позиции в тексте, определяющей основные особенности публично декларируемых задач. Остальные иллокутивы лишь дополняют выделенные центральные понятия, образуя своего рода периферию анализируемого текста: наиболее устойчивые связи у всех словоформ приходятся на *содействие* и *развитие*.

Введем концепт «удаленности» периферийных понятий от центральных словоформ. Он будет определять, насколько удалены те или

Таблица 2. Доли парных сочетаний к общему числу упоминаний каждой словоформы (процент к главной диагонали по столбцу)

Словоформы	Содействие	Развитие	Воспитание	Защита	Создание	Работа	Поддержка	Реализация	Помощь	Формирование	Организация
Содействие	1,00	0,50	0,37	0,38	0,47	0,25	0,46	0,37	0,41	0,53	0,40
Развитие	0,45	1,00	0,32	0,33	0,58	0,29	0,50	0,34	0,41	0,56	0,23
Воспитание	0,16	0,15	1,00	0,13	0,11	0,37	0,09	0,00	0,15	0,19	0,33
Защита	0,15	0,14	0,12	1,00	0,27	0,08	0,28	0,37	0,18	0,16	0,00
Создание	0,17	0,22	0,09	0,25	1,00	0,06	0,13	0,37	0,10	0,19	0,07
Работа	0,08	0,10	0,28	0,07	0,05	1,00	0,02	0,05	0,08	0,03	0,47
Поддержка	0,13	0,16	0,06	0,21	0,11	0,02	1,00	0,15	0,23	0,25	0,00
Реализация	0,10	0,10	0,00	0,25	0,27	0,04	0,13	1,00	0,05	0,13	0,00
Помощь	0,10	0,11	0,09	0,11	0,07	0,06	0,20	0,05	1,00	0,16	0,17
Формирование	0,11	0,13	0,09	0,08	0,11	0,02	0,17	0,10	0,13	1,00	0,07
Организация	0,08	0,05	0,15	0,00	0,04	0,27	0,00	0,00	0,13	0,06	1,00

иные словоформы от центральных понятий. Это необходимо не столько для введения дифференциации периферии, сколько для истолкования самих центральных понятий, описания контекста, в котором они проявляются. В качестве операционального определения концепта «удаленности» примем частоты встречаемости периферийных словоформ с *развитием* и *содействием* (значения по строкам таблицы 2). С.В. Чесноков [15] называет этот показатель точностью, поскольку он характеризует детерминацию величины, выбранной в качестве объясняемого признака. Например, с точностью 0,50 можно утверждать, что при нахождении в тексте слова «развитие» мы также обнаружим слово «содействие» (табл. 2).

Разместим периферийные отглагольные существительные в пространстве двух центральных иллокутивов — развития и содействия (рис. 1). Значения шкал соответствуют операциональным определениям удаленности. Разделение пространства на квадранты выполнено на основании расчета средних арифметических значений по двум осям. Отглагольные существительные почти не отклоняются от главной диагонали построенного пространства, что указывает на близость центральных словоформ. Несмотря на словарные различия, *содействие* и *развитие* в текстах уставных задач приближаются к одному языковому примитиву.

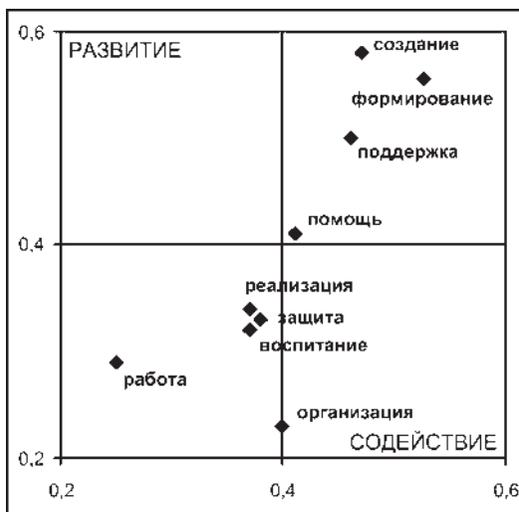

Рис. 1. Сочетаемость наиболее частотных словоформ с «развитием» и «содействием».

Если *создание* и *формирование* семантически оппозиционны *развитию* и *содействию*, то *поддержка* и *помощь*, так же часто упоминаемые вместе с центральными словоформами, напротив, дополняют и расширяют их семантику. Не только «*содействие гармоничному развитию интернациональных отношений*», но и «*оказание при необходимости материальной поддержки*»; не только «*развитие молодежи в различных сферах общественной жизни*», но и «*поддержка инициатив, направленных на интеллектуальное, духовное, физическое развитие молодежи*».

Иллокутивы «развитие» и «содействие», представленные в контексте периферийных словоформ, задают паттерны публичной речи молодежных организаций. Они не только позволяют каждой организации войти в признанный и легитимный дискурс, но и образуют его. Данные иллокутивы — не что иное, как узловые элементы «машин» по переработке социальной действительности в ожидаемые, а значит воспринимаемые внешними контрагентами образцы. Так проходит институционализация организаций, которая основана не только на выработке механизмов, конгруэнтных предзаданному институту, но и на создании этого института, включении, казалось бы, внешних элементов организационной среды в собственные формальные структуры. Д. Майер и Б. Роуэн замечают, что инкорпорирование внешних ле-

гитимных формальных структур увеличивает степень согласованности между организацией и внешней средой. Получение определенного статуса, а не свободы или независимости, позволяет добиться успехов и удержаться от ошибочных действий [24, р. 49].

Институт целевых установок молодежных организаций трансформирует семантику этих организаций, проявленную в публичном дискурсе. *Содействие* и *развитие*, размещенные в контексте, указывающем на противопоставление организации и молодежи, различение субъектов действия и воздействия наделяют организацию статусом преобразующей машины, сконструированной по институциональным, а значит легитимным нормам и правилам. Скорее нужно говорить об **организациях для молодежи, нежели о молодежных организациях. Соответствие институту требует отчуждения от любых намерений, направленных на объединение или самопредставление. В этом смысле молодежные организации так же далеки от молодежи, как садки от рыбы и сады от деревьев. Вопрос заключается лишь в том, насколько эти организации дееспособны для придания выбранному объекту воздействия нужной формы?**

СОЧЕТАЕМОСТЬ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЛОВОФОРМ

Введение различения на центральные и периферийные понятия, а также понятия удаленности, позволяют обозначить обобщенные характеристики института целевых установок. Однако остается неясным, составляют ли близкие в данном пространстве признаков иллокутивы единые семантические поля или они дифференцируют общий массив уставных целей. Для решения этой задачи проанализируем сочетаемость словоформ, периферийных по отношению к двум центральным — *развитию* и *содействию*.

Построив матрицу парной встречаемости (табл. 2), можно рассмотреть сочетаемость иллокутивов в тексте уставных целей каждого объединения. Нас интересуют наиболее устойчивые связи, о чем в первую очередь говорит частота встречаемости. В таблице 2 приведены доли, занимаемые каждой словоформой (по строке) относительно друг друга. В основном в матрице отсутствуют нулевые значения, что говорит о высоком уровне консистентности наиболее частотного словаря. Однако есть исключения — пары с низкой или нулевой встречаемостью, такие как воспитание/реализация, защита/организация, поддержка/организация и реализация/организация. Поддержка упоминается вместе с воспитанием в 6% случаев от общего количества упоминаний воспитания. В свою очередь работа упоминается вместе с поддержкой в 2% случаев от общего количества упоминаний поддержки, однако до-

Рис. 2. Граф парной встречаемости

вольно часто работа встречается с воспитанием — 28% от общего количества упоминаний воспитания и 37% от упоминаний работы (табл. 2). Следовательно, обнаруживаются связи между отдельными словоформами, образующие на основе взаимной сочетаемости устойчивые структуры.

Предположим, что низкая частота встречаемости двух словоформ указывает на случайный характер их совместного упоминания в тексте. Если определить нижнюю границу совместного упоминания словоформ в 15% от общего количества упоминаний заданной словоформы, то мы получим 23 пары, в которых процент встречаемости превышает заданный нами уровень. Приписывая словоформам качество вершин, а встречаемости — связей между вершинами, можно построить граф, содержащий 9 вершин и 15 связей (рис. 2).

Качественной характеристикой графа, описывающей положения каждой его вершины относительно других вершин, принято считать понятие центральности. Г.С. Батыгин и Г.В. Градосельская, ссылаясь на Л. Фримана [20], приводят три определения центральности. Первое — степень центральности: центральной считается вершина, связанная с наибольшим количеством других вершин. Второе — плотность центральности: центральная вершина находится наиболее близко ко всем остальным вершинам. Третье — посредничество центральности: центральная вершина контролирует наибольшее количество перемещаемых ресурсов [1, с. 103]. Остановимся на двух определениях: степени центральности — $C_{ц}$ и посредничестве центральности — $П_{ц}$. Первое определение будем рассчитывать как сумму направленных на вер-

шину граней графа, второе — как общее количество парных связей, приходящихся на данную вершину⁹.

Доминирующую вершину представляет словоформа «защита» ($C_{\Pi}=5$, $\Pi_{\Pi}=55$), которая чаще встречается с двумя словоформами — «созданием» и «реализацией». Триада защита/создание/реализация доминирует по числу парных связей, образуя тем самым центральный кластер — 45 парных связей. Аналогичным кластером, чуть меньшей мощности — 43 парных связи — выступает триада воспитание/работа/организация, в которой центральная вершина — «воспитание» ($C_{\Pi}=3$, $\Pi_{\Pi}=35$). Создадим две вторичные переменные. В первой будет содержаться хотя бы одно слово (логический оператор ИЛИ) из первого кластера, во второй — из второго. Переменная «воспитание/работа/организация» встречается в массиве 114 раз, переменная «защита/создание/реализация» — 117 раз. Пересекаются же данные переменные в одном фрагменте всего 19 раз, что для первого кластера составляет 17%, а для второго — 16% ($\chi^2=21,345$ $p<0,000$). Следовательно, выделенные кластеры образуют независимые целевые установки. Первая связана с защитой выделенных социальных групп, вторая — с их воспитанием.

Защита всегда возникает из-за некоторой внешней угрозы, как необходимость оградить кого-то или что-то от стороннего воздействия, обезопасить. С.И. Ожегов выделяет четыре значения глагола «защитить»: (1) охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; (2) предохранить, обезопасить от чего-нибудь; (3) отстоять мнение, взгляды перед чьей-нибудь критикой; (4) обосновать положения своей диссертации [8, с. 225]. Управление слова «защита» может реализовываться в двух вариантах. В первом активизируется внешняя угроза, объект негативного воздействия — защита от кого/чего, против кого/чего. В другом предметом рассмотрения может стать сам объект защиты, без уточнения источника воздействия — защита в пользу кого/чего-либо или на защиту за кого/что-либо [11, с. 63–64].

⁹ Г.С. Батыгин и Г.В. Градосельская предлагают в качестве центральности посредничества использовать формулу Шимбелла-Питтса, которая построена на расчете наименьших путей между вершинами [1, с. 103–104]. В нашем же случае целесообразно ограничиться более простым определением — подсчетом лишь количества парной встречаемости с другими словоформами, поскольку иной способ будет приводить к несогласованности предметной интерпретации. Например, словоформа «выработка» встречается в следующей задаче: «*Нравственное и физическое воспитание молодежи. Выработка устойчивых принципов силы-свободы-доброты, воспитание патриотизма, любви и верности России*». Расчет наименьших путей из других вершин просто не имеет смысла, поскольку словоформа «выработка» встречается только один раз и в паре только с одной словоформой — «воспитанием».

Словоформа «защита» встречается в тексте 61 организации и ни разу не употребляется в первом варианте управления. Во всех случаях речь идет лишь о субъекте или объекте защиты: «*содействие защите интересов молодежи*», «*социальная защита талантливой и одаренной молодежи*», «*защита социально-экономических прав и интересов студентов*» и т. д. Перечисляя принципы, которыми руководствуются в обыденном разговоре, П. Грайс указывал на максимум информативности, которая состоит не только в полноте, но и уместности информации, то есть собеседник не должен говорить то, что уже и так известно [21]. Видимо, в настоящем случае реализуется аналогичная максима — внешняя угроза представляется общеизвестным фактом. Другими словами, **молодежь изначально попадает под категорию угнетаемой депривированной социальной группы, которая нуждается в защите**. Данный факт на уровне языка уставных целей настолько очевиден, что указание на субъект или объект угрозы представляется излишним положением, нарушающим текстовую коммуникацию. Внешняя угроза разделяется всем сообществом молодежных организаций, входит в класс общих представлений, которые «очень редко артикулируются в явной форме» [32, p. 5].

Субъектами защиты выступают одаренная молодежь, дети, молодые педагоги, учащиеся и студенты, инвалиды, спортсмены и простые граждане — социальные группы, интересы которых могут быть ущемлены. Такой вариант управления встречается 15 раз, (25% от упоминаний словоформы «защита»). Семантика слова приближается к первым двум значениям, выделенным С.И. Ожеговым: оградить от посягательств, от враждебных действий, обезопасить от чего-либо. В латентной, невыраженной форме в таких высказываниях выступает объект или субъект угрозы, то есть основным «общеизвестным фактом» становится ответ на вопрос: от кого или чего следует защищаться?

Объектами защиты, как правило, становятся интересы, права и свободы тех же самых социальных групп. Такое управление доминирует — встречается 46 раз, что составляет 75% от общего количества упоминаний слова «защита». Здесь наблюдается сдвиг семантики от предохранения и ограждения от чего-либо к выражению и отстаиванию, что соответствует третьему и четвертому вариантам, приводимым С.И. Ожеговым. Латентным ответом становится характер или предмет интересов и прав. Изначально подразумевается, что интересы, права и свободы молодежи известны, по крайней мере, адресанту высказывания. Таким образом, текст уставных задач сформулирован для прочтения лишь включенными в проблематику, близкими или, более того, подобными по сформированной структуре восприятия субъектами. Декодирование такого текста уставных целей позволяет сформулировать программные вопросы для их предъявления к дру-

гим текстам, репрезентирующим молодежные общественные объединения: (1) от чего или кого планируется защищать и (2) в чем состоят интересы и права, которые предполагается защищать?

Воспитание изначально ассоциировалось лишь с физическими процессами: «взрачивать, вскармливать» и сосуществовало наряду со словом «питати» [16, с. 172]. В.В. Виноградов подчеркивает, что лишь к началу восемнадцатого века глагол «воспитать» приобретает переносное, отвлеченное значение: «стараться об образовании, об умственном и нравственном развитии кого-либо» [2, с. 108]. С.И. Ожегов связывает воспитание уже исключительно с духовным или физическим развитием, образованием, привитием правил поведения [8, с. 98]. Тем самым связь со словом «питание» практически полностью нивелируется. Воспитание — прежде всего привитие или навязывание нормативного поведения, сообразного с существующими на данный момент идеальными представлениями. Э. Дюргейм замечает, что «воспитание отнюдь не имеет единственной или главной целью индивида и его интересы, оно есть прежде всего средство, с помощью которого общество постоянно воспроизводит условия своего собственного существования» [3, с. 254]. Воспитывать — значит указывать на норму или формировать систему различий: должного и недолжного, хорошего и плохого, нравственного и безнравственного, принятого и отвергнутого, праведного и гнусного и т.д. В российской традиции воспитанию всегда подвергаются темные и невежественные массы, отсюда основной посыл воспитания — не поддержание существующего порядка, а создание нового, более нравственного, совершенного и гуманного. Екатерина II в изложении И.И. Бецкого так определяет основную задачу воспитания: «произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами» [цит. по 14, с. 123]. Воспитание определяется прежде всего как просветительская деятельность. К традиции преодоления невежественности масс принадлежит и ленинская триада: *«учение, воспитание и образование»* [7].

Если защита направлена на предупреждение внешних воздействий, то воспитание само — внешнее воздействие, объект которого должен находиться в отчужденном состоянии по отношению к субъекту, иницирующему воспитание. Защита, особенно в форме «защиты интересов и прав», предполагает сближение молодежной организации с объектом своей деятельности, воспитание, напротив, вынуждает на противопоставление и отчуждение объекта от самой организации. Воспитатель — всегда носитель нормативных представлений, обладающий знанием и правами по его трансляции: *«воспитание подрастающего поколения в духе гуманизма, высоких нравственных идей, прин-*

ципов, равноправия всех народов, любви и охраны природы». Аналогичным образом задача молодежной организации формулируется в публицистических текстах: «*Коренная задача комсомола — воспитывать активных, сознательных строителей нового общества, преданных идеалам коммунизма, трудолюбивых, готовых к подвигу и самопожертвованию*» [4, с. 22]. Лексическое и семантическое различия «воспитания» и «защиты» объясняют расхождение двух дискурсов или текстовых образцов уставных задач¹⁰.

С одной стороны, ограждение слабой, угнетаемой, не умеющей противостоять внешнему воздействию, но социально значимой группы, ведь «*за молодежью будущее*». Будущее не может определяться всей совокупностью молодежи, значит, **требуется введение ее дифференциации на талантливую и бесталанную, прогрессивную и регрессивную, активную и пассивную и т.д.** Вторая, отрицательная часть дихотомии не раскрывается и выводится из общего текста уставных задач, а первая, положительная часто теряет уточняющие прилагательные. Тогда дифференциация переносится с молодежи на ее действия или интересы — «*защита прав и законных интересов молодежи*» — или уточняется уже в контексте уставной задачи — «*создание условий для всестороннего развития молодого человека в различных сферах общественной жизни, защита интересов и прав молодежи*».

С другой стороны, преобразование существующего состояния. Для этого нужно принять положение о неразвитой, непонимающей, незнающей социальной группе, которая нуждается в привнесении знания о социально значимых нормах и представлениях. Отсюда необходимость активного вмешательства в процессы социализации: просвещение, образование и воспитание неоформленной социальной группы. Женщин, инвалидов и безработных можно защищать, но вот воспитывать их уже не рекомендуется, а детей, подростков и молодежь можно как воспитывать, так и защищать. Подобное различие выходит за пределы рациональных представлений отдельных организаций. Оно конституирует институциональные нормы и представления, бытующие в обществе. Судя по всему, перед нами эффект лексического изоморфизма, подмеченный Д. Майером и Б. Роуэном, согласно которому словари формальных структур, которые изоморфны институциональным правилам, обеспечивают благоразумные, рациональные и легитимные

¹⁰ Противопоставление защиты и воспитания как двух противоположных дискурсов носит скорее концептуальный характер, нежели вытекает из результатов исследования. Нетрудно заметить, что связь между этими словоформами все-таки присутствует (табл. 2), а то, что она не отражена на графе, определяется лишь принятым уровнем значимости, который составляет 15% совместных упоминаний от общего числа слов, относимых к разряду анализируемой словоформы. У «воспитания» этот параметр равен 12%, у «защиты» — 13%.

представления. Предполагается, что организации, описанные в легитимной лексике, ориентированы на коллективно определяемые и одобряемые цели [24, р. 50]. Установление в качестве целевых функций воспитания и защиты, стоящих в одном ряду с содействием и развитием, относится скорее к институциональной, ценностной ориентации объединения, нежели техническим представлениям о предполагаемой деятельности¹¹.

По всей видимости, недостаточно лишь зафиксировать выделенные различия. Вопрос об их устойчивости в речи уставных задач инициирует следующий шаг анализа. Насколько устойчивы центральные вершины построенного графа? Какие смещения возникнут при дифференциации текста, выделении в нем собственных автономных структур? Останутся ли обозначенные триады на локальных текстовых массивах или они будут значительным образом преобразованы? Для ответа на поставленные вопросы требуется проведение дополнительно исследования.

ВЫВОДЫ

Для вхождения в корпус формальных молодежных организаций любое объединение должно взять на себя педагогические функции. Не представление, а защита интересов, и интересов не какой-то группы, а молодежи или подрастающего поколения в целом. Отсюда на первый план выступает не общность интересов, не проявление индивидуальных склонностей и стремление к их выражению, а гармонично развитая личность, прошедшая сквозь процедуры воспитательной работы и удовлетворенная созданными условиями.

Текст уставных задач воспроизводит миф о возможности рационального создания коллективного человека или личности, «целенаправленной социализации молодого поколения» [3, с. 254]. Для воспроизводства мифа важна дискурсивная компетентность, определяемая легитимными формами уставных задач. Компетентность выра-

¹¹ Различение ориентации организаций на институциональную и техническую предложено Р. Скоттом и Д. Майером. Оба типа приводят к росту рациональных организационных форм, но каждый из них ассоциируется с разными концепциями рациональности. Техническая ориентация подчеркивает рациональность, укорененную в анализе целей и средств для их достижения. Такая рациональность связана с эффективностью получаемого результата, который должен быть измерим и точно фиксируем. Институциональная ориентация относится к когнитивному понятию рациональности — обеспечению опознаванию и пониманию проводимой деятельности другими участниками [28, р. 124]. Если первый тип рациональности определяет, что должна организация делать, то второй — какая организация может существовать [16, р. 187].

жается не в представлении молодежных интересов, а в противопоставлении им, посредством заявляемых стандарта и возможности ему следовать.

Формальные молодежные общественные объединения представляют собой коммуникативные машины, связывающие виртуальное молодежное сообщество с не менее виртуальными представлениями об идеальном или совершенном его варианте. Формальные молодежные организации «существуют в качестве социальных легитимных идеологий» [22, р. 205]. Это позволяет говорить о когнитивном характере рациональности, основанном скорее на критерии восприимчивости, нежели эффективности.

Институтом, определяющим дискурс формальных молодежных объединений, выступают не отдельные группы или организации (например, государственные структуры), а когнитивные схемы бытующие в общественном сознании и выраженные в устойчивых лексических паттернах. Д. Майер и Б. Роуэн пишут, что как ревность, гнев, альтруизм и любовь — мифы, которые интерпретируют и объясняют индивидуальные действия, так и мифы о докторам, бухгалтерах или проведении собрания объясняют поведение организаций. Можно сказать, что инженер решает проблему, а секретарь выполняет поставленную задачу без понимания того, *кто* — секретарь или инженер и *что* конкретно он делает. Как говорящий, так и слушающий понимают такие утверждения в качестве описания выполнения обязанностей [24, р. 50]. Продолжая эту линию аргументации, можно перечислить устойчивые объяснительные конструкции для молодежных организаций. Если кто-то говорит о воспитании, защите, содействии и развитии, добавляя при этом такие лексемы, как всесторонне развитая личность, инициативы и интересы, то можно с уверенностью утверждать, что речь идет о формальных молодежных организациях. Заметим, что для такой идентификации вовсе не обязательно упоминание субъекта воздействия — молодежи, молодого поколения, подростков, детей и т.д., поскольку воспитание, защита, содействие и развитие уже подразумевают его присутствие. Как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев — сады, так для юношества — школы, а для молодежи — формальные молодежные объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С., Градосельская Г.В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: Методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88-109.

2. *Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук, Отделение литературы и языка: Научный совет: «Русский язык», Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1999.
3. *Дюргейм Э.* Педагогика и социология // Э. Дюргейм Социология: Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с франц., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 244-264.
4. *Ильинский И.М.* Наш молодой современник: Вопросы мировоззренческого воспитания // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 16-22.
5. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
6. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи: Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. // В.И. Ленин Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во Политической литературы, 1977. С. 298-318.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.
9. *Парсонс Т.* О структуре социального действия: Пер. с англ. / Под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2000.
10. *Рассохина М.В.* Метафора в языке социологической теории / Серия: «Научные доклады МВШСЭН»; Вып. 1; Под. ред. Г.С. Батыгина. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001.
11. *Розенталь Д.Э.* Справочник по русскому языку: Управление в русском языке. М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2002.
12. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? / Пер. с англ. И.М. Кобозевой // Зарубежная лингвистика II / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 210-228.
13. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Пер. с англ. Л.Н. Натан, Е.С. Турковой // Зарубежная лингвистика I: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1999. С. 58-91.
14. *Чайковская О.Г.* Воспитание «новой породы» людей: Об одном социальном эксперименте XVIII века // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 121-134.
15. *Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
16. *Этимологический словарь русского языка: Т. 1; Вып. 3.* / Под рук. и ред. Н.М. Шанского. М.: Изд-во Московского университета, 1968.
17. *Berger P.L., Luckmann T.* The social construction of reality. New York: Doubleday, 1967.
18. *Clark B.R.* Adult education in transition. Berkeley: University California Press, 1958.
19. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // The new insti-

tutionalism in organizational analysis / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 63-82.

20. *Freeman L.C.* Centrality in social networks: Conceptual clarifications // *Social networks*. 1979. Vol. 1. P. 215-236.

21. *Grice H.P.* Logic and conversation: The William James lectures. Harvard University, 1967-1968 // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.

22. *Jepperson R.L., Meyer J.W.* The public order and the construction of formal organization // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 204-231.

23. *Meyer J.W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83. P. 340-363.

24. *Meyer J.W., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 41-62.

25. *Parsons T.* The structure of social action. New York: McGraw-Hill, 1937.

26. *Powell W.W.* Expanding the scope of institutional analysis // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 182-203.

27. *Scott W.R.* Unpacking institutional arguments // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 164-182.

28. *Scott W.R., Meyer J.W.* The organization of societal sectors: Propositions and early evidence // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 108-140.

29. *Selznick P.* TVA and the Grass Roots. Berkley: University California Press, 1949.

30. *Streeck W., Schmitter P.C.* Community, market, state — and associations? The prospective contributions of interest governance to social order // *Private interest government: Beyond market and state*. London: Sage Publications, 1985. P. 1-29.

31. *Zucker L.G.* Organizations as institutions // *Research in the sociology of organizations* / Ed. by B. Bacharach. Greenwich: JAI Press, 1983. P. 1-42.

32. *Zucker L.G.* The role of institutionalization in cultural persistence // *The new institutionalism in organizational analysis* / Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 83-107.